

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ

ГОРИЗОНТ НЕОХВАТЕН

* * *

И комиссары в пыльных шлемах...

Это путь от ножа до ножа,
До прорубленной танком межи,
За которой плевки калаша
На помин отлетевшей души.

Если против кого-то дружить,
Стиснув зубы, сцеплением рук...
Нам гражданскую не пережить,
Не утративши Родины, друг.

Обезлюдела русская степь,
Нет деревни в дали за рекой.
Если эта последняя цепь
Разомкнётся — не свяжем другой.

И тогда комиссары ЕС,
К мёртвым лицам безусым склонясь,
Разверстают Московию без
Нас — уже никого не боясь.

БЕРЯЗЕВ Владимир Алексеевич родился на Кузбассе в 1959 году. Поэт, эссеист, переводчик, публицист. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг "Окоём", "Могила Великого Скифа" и других, а также сборников стихов, книг очерков и эссе. В настоящее время — зам. гл. редактора журнала "Сибирские огни". Секретарь правления Союза писателей России и сопредседатель Ассоциации писателей Сибири. Живёт в Новосибирске.

* * *

Дом вжимался в снега плечами —
Накачали ветра печали!
На сто верст вокруг, бедокура,
Потешаясь, гуляла буря.
Снежной тяжестью хмари серой
Прищемлённая атмосфера
В хриплом свисте изнемогала...
Лампа сникла. Свеча мигала.
Степь, простерши белое тело,
Сквозняком вселенским гудела.
И дымы загоняло в трубы.
И протяжно хлопали струны
Проводов... И с дорог сметало
Пешеходов, как мух в сметану.
Всё — кромешность!

* * *

Чтобы не падала властная функция.
Ты пирамиду народной любви
Сооруди по завету Конфуция:
Зижди добро, словно храм на крови.

Муж благородный о матери-Родине
Думает даже на горной лыжне.
Всё, что расхищено, предано, продано,
Экспроприруем здесь и вонне!

Вырвем траву, что не знает цветения,
Срежем цветы, что плодов не дают.
Труд от неведенья до обретения,
Ох, не по-детски опасен и крут.

Вычистим поле апокалиптически,
Нам оборона важнее бабла!
Лишь бы жила, как всегда, героически,
Матушка-Русь, и — была не была!

О ПОЛЬЗЕ ВЕРЁВКИ

Наш главком — Ермолов... или Трошев?..
Чтобы сбить насилия накал,
Чтоб с кинжалом жить — себе дороже! —
Бандюганов вешать предлагал.
Выглянешь в окно — полюбоваться
Улицей на утренней заре:
Мир и лад, покой и счастье, братцы,
И — абрек на каждом фонаре.
И без коньяка захорошеет...
Вот вам справедливости пример!
Жёсткий галстук на небритой шее —
Признак старых правильных манер.
Лжевикторианская эпоха!
Пуритане, трости, котелки.
Вешать — плохо. И не вешать — плохо.
А судить — так вовсе не с руки.

Только Пушкин из далёкой дали
Упрекает нас в который раз:
“Вместо мёртвых букв свинца и стали
Слово жизни шлите на Кавказ”.

ПРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ КРАСНОГО МЕСЯЦА

Всё в поездах моё солнышко-лелюшко,
Катимся, катимся — не устоять.
Сквозь погорельщину, Ванька-Емелюшко,
Сладкой, как водочка, жизни поять.

Тёмное месиво... Светлое крошево...
Лермонтов с тучки глядит на меня.
Много хорошего. Мало хорошего.
Чище и льдистее день ото дня.

Эко хватил! Почему не покаялся?
Каюсь, родимые, каюсь во всём.
Тарскую степью, Барабинской, Каинской
Еду в заросший крапивою дом.

Осень такая, что хочется выстрелить,
Чтобы за эхом осыпался лист...
— Истина там, где отрезана истина, —
Молвил безногий, как хмель, баянист.

Лесоповальные, скотопригонные
Лики родные Марусь-Магдалин
Вновь уплывают в оклады оконные,
В дождь и безденежье русских долин.

Поле, пространство, полёт и безмолвие —
Даль, словно хлеб, не пресытит вовек.
Вновь с мукомолия на богомолие,
В преображающий родину Снег.

Сны роковые в душе не поместятся,
Но сохраняются в небесном краю.
Пред наступлением красного месяца
Простоволосый и тихий стою.

Скажешь ли правду мне, Ванька-Емелюшка,
В час, когда будешь не пьян, а блажен:
Сколько прияла льняная постелюшка
Ширь-белизной в миллионы сажен.

.....
Боже, простишь ли нам неразумение
Или рассеешь, как израильтян?..
Стыки вагонные.
Гужи ременные.
И горизонт неохватен и рдян.